

Юрий
САВАРОВСКИЙ

ИЗБРАННОЕ

Юрий Семенович Саваровский

Избранное

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24725561

Избранное. / Юрий Саваровский: Пробел-2000; Москва; 2013

ISBN 978-5-98604-387-6

Аннотация

Стихи из сборников, изданных за последние десять лет с 2000 по 2012 год.

Содержание

Душа неугомонная	11
Из сборника «Баррикады доброты»	21
Равновесие	21
Равновесие	21
Первый снег	22
Картинка	22
Картина	23
Первый след	24
Весенняя картинка	25
У костра	26
Гроза на даче	27
«Плотные туманы октября...»	28
Милая пора	29
Давнее	30
Горы Крыма	31
Улетают птицы	31
Осенние мотивы	32
Любовью болен	35
Моя звезда	35
«Не ведаю я мелких чувств с тобой...»	35
«О, женщины особый запах...»	36
«Обильный и пушистый снег...»	37
«Дождь всё идёт, и нет ему конца...»	38

«Отчего на душе полегчало...»	38
«Я полон ненависти к тем...»	39
«Я таких улыбок не встречал...»	39
Мужчинам	40
В командировке	40
Слова любви	41
Дым отечества	43
Август	43
Дом	44
9 мая	45
Бабки	46
Осень России	47
«Как выразить словами сердца боль...»	48
«Природа замерла в предчувствии весны...»	49
Первый день весны	50
Свободы чистый воздух	51
Заветное	51
И снова за перо	53
«Всё удивительное рядом...»	53
«Верни мне веру, ветер вешний...»	54
«Не лягу спать, пока не запишу...»	54
Кукушка	55
«Осень слов не понимает...»	56
«Прояснит, отдохнёт душа...»	57
«Порывы ветра снег разносит...»	58

Источник утешения	58
Дмитрию Кедрину	59
«В душе разорвана струна...»	60
«Лишь в августе стремлюсь я стать поэтом...»	61
Осень любимая	62
«Пролетели года...»	63
Из сборника «День за днём»	65
Отблески любви	65
Весна	65
Вьюжная ночь	66
Град	67
Поверье о птице	68
Журавли	69
Осенний дождь	70
Отпуск	71
Вакх и Спас	72
Последний день лета	74
Вечность	76
Одна достойная минута	77
Ты	78
«Уходят ноябри и декабри...»	79
«Шёл май. Сирень цветения заждалась...»	79
А. С. Пушкин	81
10 декабря 1825 года	81
«Всё начинается с азов...»	83

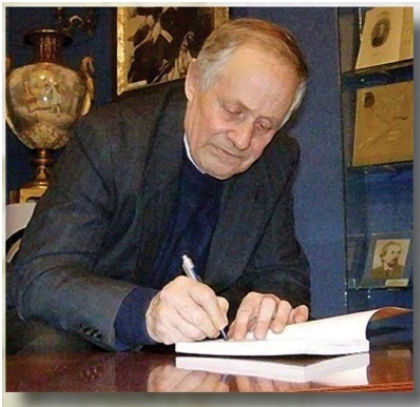
Очищение болью	84
Гроза в декабре	84
Острое чувство	85
Чего хочу?	86
Уходит лето	87
Нельзя	88
Ночь в деревне	88
Всё нормально	89
Деревни	90
На погосте	91
«Я много в жизни упустил...»	93
«Стихами я переболел...»	93
Предисловие к сказке	95
Альтернатива	95
Про корову	96
Из сборника «Листопад»	98
Выездное лето	98
Соловей	98
«Я весною словами богат...»	99
«Я не могу остановиться...»	99
Дятел	100
Перед сном	101
«Я, засыпая, сочиняю стих...»	102
«Я дам стихи свои читать...»	103
«В этот вечер час за часом...»	103
«В деревеньке, где нет электричества...»	104

Коктебель	105
«Дороги осенью прокисли...»	106
Журавли России	106
Листогон	107
Осенний театр	108
Конец осени	110
«Последний летний день...»	110
Усталость	112
Чёрный ворон	112
«Густая дымка под луной...»	112
Горный поток	113
«Заладил дождь на целый день...»	115
«Блажить я начал очень часто...»	116
«Когда мне сердце болью било...»	116
«Померкла даль моей души...»	117
«Я начисто опустошён...»	117
«При тусклом свете фонаря...»	118
«О, где вы, светлые года...»	119
«Подслеповата и больна...»	119
«Позовите меня...»	120
Курсантская любовь	122
Бабье лето	122
Банька	123
Осенние бредни	124
Осенние бредни	124
Дачный ветер	125

Чаепитье	126
В отставке	127
Смысл жизни	128
«Бьётся градусник на нуле...»	129
Из сборника «Светотень»	131
Замкнутый круг	131
Русь	131
Не люблю я	132
«Эта жизнь и всеядна...»	133
Бродяжки	133
«О, свежа моя память, свежа...»	135
«Я всё переживу...»	136
«Покорствуя, ты строил жизнь свою...»	137
Смутное время	138
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Юрий Саваровский
Избранное.
Стихотворения и поэмы

САВАРОВСКИЙ Юрий Семёнович, член Союза писателей России, лауреат литературной премии имени Дмитрия Кедрина «Зодчий», автор десяти сборников стихов. Стихами увлёкся поздно, почти в тридцатилетнем возрасте.

Первую книгу стихов «Баррикады доброты» издал только в 2001 году на шестьдесят пятом году жизни. Ещё девять сборников стихов были выпущены за последние десять лет. Стихи Саваровского по форме и содержанию нужно отнести к русской классической поэзии, написаны понятным и доступным для читателя языком, по лиризму и открытости близки русской душе и русской природе.

В «ИЗБРАННОЕ» вошли стихи из всех десяти сборников, что составляет приблизительно их третью часть.

Душа неугомонная

Так называется стихотворная книга поэта Юрия Саваровского, изданная перед жарким летом 2010 года. И название вполне соответствует творческому пути, который пройден ее автором, отметившим недавно свое 75-летие.

Сорок лет тому назад Мытищинское ЛИТО имени Дм. Кедрина получило отличное пополнение в лице двух выпускников Ленинградской Военной академии связи – Бориса Давиденко и Юрия Саваровского, направленных на службу в Подмосковье. Как оказалось, оба высокообразованных офицера писали стихи, которые хорошо воспринимались и коллегами по ЛИТО, и слушателями наших выступлений – особенно в воинских частях. Новички довольно быстро вошли в число тех, кого мы теперь называем «плеядой семидесятников» (Григорий Кружков, Вячеслав Макаров, Александр Лисин, Нина Шевцова, Юрий Дегтярев, Александр Сытин...). Юрий Саваровский стал победителем нашего конкурса на лучшее стихотворение памяти Дмитрия Кедрина. Борис Давиденко напечатался в газете «Красная Звезда». Намечались у него и другие публикации. Но в начале 80-х тяжелая болезнь оборвала жизнь этого талантливое человека. Потеря давнего друга в известной степени повлияла на то, что Юрий Саваровский стал как бы отходить от литературных дел. И уже в новом веке он собрал и издал за собственный счет хо-

рошую стихотворную книгу Бориса Давиденко «Лесной гарнизон».

В 1988 году, отработав 20 лет в закрытом оборонном НИИ (при общем стаже службы 32 года), Юрий Семенович Саваровский ушел в отставку в чине подполковника. И занялся обустройством дачного участка в Загорском районе. Плотницкие работы по строительству дома, рассчитанного на все сезоны, выполнил сам, проявив при этом и умение, и художественный вкус.

Неизбывную творческую энергию начинающий отставник направлял еще и на другое свое увлечение – на живопись. И сама деревня, где он обосновался, и ее окрестности во все времена года давали много тем для картин. Более того, постоянное и непосредственное общение с природой вновь пробудило в его душе поэтические струны.

Надо сказать, что дружеских связей с кедринцами Саваровский никогда не терял. Просто встречи стали более редкими. Но когда он иногда показывал нам новые стихи, то мы, не забывшие его лучших давних строк, наводили его на мысль об издании книги. Так и появился в 2001 году дебютный поэтический сборник Юрия Саваровского «Баррикады доброты». В предисловии к нему я писал, что основной стихотворный жанр автора – это «выплеск души, разволнованной или красотой увиденного, или глубиной прочувствованного». На книжных страницах куда солиднее смотрелись те же стихи о Кедрине, или помеченная 1968 годом замечатель-

ная миниатюра про горы Крыма.

Вырастают в небе тучи
Выше древних гор.
Только смотрит тонкий лучик
На меня в упор.
И стою я недвижимый,
Просветленный весь,
Что не только горы Крыма —
Я на свете есть

И очень кстати пришлись такие новые вещи как «Гроза на даче», «У костра», да, пожалуй, весь раздел «И снова за перо» стал доказательством авторской состоятельности Юрия Саваровского.

Издав в следующем 2002 году еще одну книгу («День за днем»), он не только поверил в нужность того, что сочинил. У человека появилась уверенность в далеко неизрасходованном творческом потенциале.

Дальнейшие события вполне подтвердили наличие этого потенциала. В том же ритме вышли еще две книги. А когда для написания пятой потребовался двухгодичный период, автор даже встревожился и назвал её «Молчание Музы». А Муза «намолчала» там страниц на полтора. Но дело, надо понимать, не в арифметике. Вернее, не только в ней, поскольку и творческую активность нельзя сбрасывать со счетов. А Юрий Саваровский и накануне своего семидесятиле-

тия работал по-молодому жадно, и после солидного юбилея не давал себе поблажки.

Вопрос «о чём писать?» никогда перед ним не стоял. Есть постоянно меняющийся внешний мир, есть неисчерпаемый внутренний, тоже, кстати, не застывший. А если их как-то еще совместить?

В какой-то период Юрий Саваровский воспринимался друзьями-литераторами преимущественно как стихотворный пейзажист. Причем, живописавший одну и ту же местность в окрестностях Загорска. Но если посмотреть шире, то можно говорить, что именно природа Подмосковья, такая типичная для среднерусской полосы, долго была для него основным источником вдохновения. Поэт обращался к ней во все времена года и год за годом. Тем не менее, нельзя сказать, что он сам себя перепевал или топтался на месте. Во всяком случае, такого впечатления не возникало. Настоящему русскому человеку исконный наш пейзаж не приедается, как не приедается, если вдуматься, хлеб.

Конечно, привлекательности стихотворных «картин» Юрия Саваровского способствует не только его умение распорядиться словами. Сказывается и то, что он свой человек и в мире красок. Приведу несколько примеров его словесной живописи:

Огневая полоска зари
Посиневшую даль запалила...

Жёлтым цветом скошенное поле
Очертило серый небосвод...

Клёны, обрядив себя в багрянец,
Обостряют белизну берёз...

Тут же, для полноты картины, стоит отметить, что Юрий Саваровский умеет живописать не только красоты Подмосковья. В своей книге «Город детства», посвященной малой родине, поэт тепло вспоминает Омск и Прииртышье. И если сам Иртыш у него «желто-голубой» (от факта не уйдешь!), то берег его – «светлый». А еще перед глазами памяти – «безбрежный ковыль, покрывающий степь серебром».

Впрочем, как раз на примере только что упомянутой книги, можно увидеть, что наш поэт может далеко уходить за рамки пейзажной лирики. И если продолжить линию сравнения с живописью, то перед нам и – жанр, бытовые картины. Причем, быт полусиротских 40-х годов видится Саваровскому преимущественно в черно-белой раскраске. «Нам в детстве не досталось эскимо» – это, пожалуй, самая щадящая примета того времени. Досталось же вот что – жмых, как замена коврижек, и тоскливые ожидания в холодном доме возвращения матери с работы. Всё хорошее – свет и тепло – было тогда связано, прежде всего, с ней.

Именно матери и погибшему на фронте отцу Юрий Саваровский посвятил лучшую из своих поэм – «Год 46-й». В ней много сильных мест, достоверных и в историческом, и в психологическом плане. Остановлюсь только на трёх. Глава «Толкучка» – средоточие городской жизни, по-своему колоритной, шумной и суетной. Продавцы, покупатели, нищие, фокусники, просто зеваки. Но последнее не относится к девятилетнему мальчишке. В жаркий день он продает речную воду – по одной копейке за кружку. Но в определенный час бежит на вокзал. Война закончилась больше года назад, а он еще надеется на возвращение отца...

Отец, наверно, ранен,
А что погиб – враньё!
Ведь как отцу не верить?
Вернусь, – он мне сказал.
И я несусь, как ветер
На городской вокзал...

В главе «Мама» представлено горькое застолье соседок по бараку – солдаток, ставших в большинстве своем вдовами. Они пели, «выплескивая души», а плясали сразу и за себя, и за своих солдат. А потом ревели, уткнувшись в холодные подушки. Будущему поэту запомнилось, что его мама пела «Катюшу», пела так, как будто «созывала годы до войны».

Для автора поэмы те годы – самое раннее детство. Посвященная им глава не случайно называется «Сон». Яркие кар-

тины семейного отдыха – за городом, в березовой роще, с живым отцом – воссозданы большей частью, особенно – в деталях, по рассказам матери, старшего брата и сестры. А вот ощущение полного счастья – это уже сугубо личное достояние, пронесённое через многие десятилетия.

То далекое время нынешние недоброжелатели России безудержно чернят. Но в народной памяти оно окрашено не столь однозначно, а для многих светлые тона вообще преобладают. И одни из весомых патриотических аргументов – предвоенный рост населения страны. Например, в семье Семена и Александры Саваровских было четверо детей. Переживаемая нами эпоха рыночных реформ ударила прежде всего по уверенности Россиян в будущем. Теперь уже и бездетность входит в моду, если неосознанно, то по факту.

Назвав в одном из стихотворений нынешнюю Россию «по-никшей». Юрий Саваровский одним только этим неожиданным эпитетом передал и свою оценку происходящего со страной, и свою встревоженность. «Ощущаю России беду»; «Не узнаю теперь страны я, что светом наполнила меня», «Всё свернулось в одночасье в меркантильную спираль» – это строки из разных стихотворений, но они, в общем, на одну тему. Только в одном случае – постановка вопроса, а в других – собственный ответ. Важно и то, что поэт, обращаясь к публицистике, не забывает о художественности:

Пришедшей осени картинка

С плакучим кружевом тенёт,
Как пути нынешнего рынка
Меня терзает и гнетёт.

Даже в пейзажной, вроде бы, зарисовке «Облака России» Юрий Саваровский очень быстро от благостного созерцания летнего неба переходит к мыслям о судьбе природных ресурсов страны, утекающих по трубопроводам за рубеж. Ведь и до воды очередь когда-нибудь дойдет... Воистину, «душа открыта до небес».

Такая самооценка могла бы показаться нескромной, если бы у автора не было других высказываний о собственном внутреннем мире, о своем месте в мире большом. А они есть. Например: «Тону я в отрицательных эмоциях», «И всё же я из лени соткан». Заметим, что это пишет о себе человек, издавший за 11 лет 10 книг. На одних отрицаниях такого урожая не вырастишь. Нужна подпитка веры, надежды и любви. И она в нужный момент все-таки происходит.

В любовной лирике Юрия Саваровского присутствует одна постоянная героиня – его Светлана, с которой он уже отметил «золотую свадьбу».

Какая радость узнавать
Тебя по девичьей походке!

Огромный мир русской классической поэзии – еще одна пожизненная привязанность Юрия Саваровского. «Когда я

добрался до Блока, мне было 14 лет... Как просто и точно сказано об очень немаловажном событии.

С Павлом Васильевым нашего товарища породнил Иртыш, с Дмитрием Кедриним – Подмосковье. А Пушкина, похоже, мы впитываем вместе с материнскими молоком. Пушкинские уроки гармонии, равнодушия и служения добрым чувствам могут отзываться в современных книгах по-разному. У Саваровского иногда даже назидательно:

...если не берешь себе в вину
Хоть б частицу всенародной боли —
Не мучь перо...
А бывает и смелым художественным образом:
Метались вдоль берега белые ветлы,
Как фурии тьмы – нагишом.

Знакомясь с рукописью этой книги, я выписал десятка два подобных авторских находок. Но для завершения разговора о стихах Юрия Саваровского приведу лишь одно очень характерное для него четверостишие.

Почти по горлышко налит
Графин граненый небосклона
Усталостью столетних лип
И легкомысленностью клёна.

По-моему, здесь удивительным образом соединились оба

дара Юрия Семеновича – поэтический и художественный.

ЮРИЙ ПЕТРУНИН

руководитель ЛИТО им. Дмитрия Кедрина.

член СП России, лауреат литературной им.

Дм. Кедрина

премии «Зодчий»

**Из сборника
«Баррикады доброты»
2001 год**

Равновесие

Равновесие

Не прощаю себе слабостей,
Лёгких взлётов не ищу,
И не пью вино для храбрости,
Но бывает, что грущу.

Погрущу – и снова весел я.
Чу, мгновение! Замри!
Ощущаю равновесие
Неустойчивой земли.

Ах, когда бы те мгновения
Вместе все соединить,
Я б создал стихотворение
То, что стоит заучить!

1965 г.

Первый снег

Драгоценная находка —
Долгожданный, первый снег
У коня на рыжей холке,
На копне и на стерне,
На покинутой скворечне,
На колодце – журавле,
На улыбчивой, на здешней,
Удивительной земле.
Первый снег
Всегда, как праздник,
Как обновка на Руси!
Самый первый
Так и дразнит,
Так заманчиво хрустит!

Токсово, ноябрь 1965 г.

Картинка

Зима бесснежная, что девица безбровая,
Нескладная, невзрачная на вид,

И небосклон не доеной коровою
Над крышами промёрзшими навис.

И прячутся берёзки оголённые
За голытьбу осиновых ветвей,
И лишь стоят, по-летнему зелёные,
Ухоженные маковки церквей.

Болшево, январь 1975 г.

Картина

На Яузе подлёдный лов,
Чернеют спины рыбаков
На белом, маленьком квадрате
Среди пологих берегов.
И я вот здесь.
Не рыбки ради.,
Не с блажью милых чудаков,
Рисую в тоненькой тетради
Я этих самых рыбаков.
Они, как дети. Вот один,
Вполне солидный гражданин,
Присел на корточках у лунки
И смотрит, как другой рыбак
В ту лунку опустил пятак.
Пятак остался на рисунке.
«Ты это, парень, для чего ж?» —

Спросил солидный, рот разинув,
А парень, резко вздёрнул спину,
И на блесне запрыгал ёрш.
И буйным смехом окатил
Под снегом спящую долину.
Я белозубый смех схватил
И – утеплил им всю картину.

Март 1973 г.

Первый след

Кто по не хоженному снегу
Проложит самый первый след,
Навеки породнится с небом
И проживёт до сотни лет.

Я ощутил, я понял это,
Когда в обнимочку со мной
Шагал мороз с ядрёным ветром
По первопутку, по прямой.

Как будто бы на поле брани
Каким-то чудом уцелел,
Как будто после жаркой бани
Ложишься в чистую постель.

В душе такое обновление.

Что познаёшь, как дважды два,
Шестого чувства обретенье
И неземного естества.

О. снега чистого кристалл!
Тобой пленённый в декабре я,
Намного лучше, чище стал,
Богаче, искренней, добрее!

Ноябрь 1980 г.

Весенняя картинка

Лучами тёплыми прижаты
Снега последние лежат.
Зиме вручает ультиматум
Скворец – весенний дипломат.

На вешалке забыта шуба
И тёплый головной убор.
Подрок заметно возле клуба
Ненужный никому забор.

Уже никто дрова не колет,
Уже обходятся без дров.
И слышен в почерневшем поле
Весёлый рокот тракторов.

Да на прогалинах прогретых
Петух вовсю гоняет кур,
Да у курильщиков отпетых
Опять на солнце перекур.

И на лихом велосипеде,
Под горку спуск, на горку взлёт,
Наш почтальон колхозный Федя
Открытки майские везёт.

Май 1965 г.

У костра

Что может быть на свете лучше,
Чем в ожидании ухи
Прилечь к костру
И слушать, слушать
Твои негромкие стихи,
Услышать в них о ясном небе,
Где зарождается весна,
О свежеиспечённом хлебе,
О чарке доброго вина,
О нашем необъятном крае.
(И как о нём в стихах не петь!)
Закат, где быстро загораясь,
Никак не может догореть.
Где по утрам играют росы

В живом сплетении листвы,
А ночь в нём небо купоросит
До непроглядной синевы.
Где песня жаворонка ломка,
Как ветка высохшей ольхи.
И хорошо, когда негромко
Звучат о Родине стихи.

Август 1968 г.

Гроза на даче

Гроза всегда, как неожиданность.
Гроза лиха, но не беда.
Исторгнет резкий запах жимолость,
Акация и лебеда.
Мгновенно солнце в тучах скроется,
И станет страшно и темно.
Всё переменится, расстроится,
Перекосятся шар земной.
Помчится в бешеном канкане,
Запляшет по дорогам пыль
И скроет лес на дальнем плане,
И небыль обернётся в быль.
И всё земное вдруг пригнётся
И станет маленьким, как гном,
И грозным рыком огрызнётся
Уже приблизившийся гром.

Располосует небо ярость
Холодным огненным мечом,
И загорится нижний ярус
Под чёрной тучей кумачом.
И плюхнет жирной каплей в постность
И в чёрствость высохшей земли,
И дождь начнёт многоголосо
Стучат вблизи, шуметь вдали,
Забьёт по трубам водосточным,
Помчится уличной рекой
Такой весёлый, тёплый, сочный,
Необходимейший такой!

Июнь 1981 г.

«Плотные туманы октября...»

Плотные туманы октября
Всё окрест надёжно оседлали,
Яркая корона фонаря
Потускнела в предрассветной дали.

От людского глаза затаясь,
За туманом спряталась деревня.
Выплывают из небытия
Сонные, притихшие деревья.

Невелик и осторожен шаг,

Неизвестность манит и волнует.
Словно в детстве замерла душа
Перед дверью, что ведёт в парную.

Октябрь 1979 г.

Милая пора

А лето что? Лишь вдох и выдох.
Уже заметно сентябрит,
И лист опавший первым выдал.,
Что скоро осень загрустит.
И мы стремимся удержать
Его, как гостя дорогого,
А он уходит в гуде жатв,
В красивых свадьбах, в кровле крова.
И в городах, и на селе
Кипит работа споро, зримо,
Чтобы в достатке и тепле
Прожить неласковую зиму.
Ну, а пока ещё тепло,
Ещё поля и лес зелёны.
Опять же город и село
Природой вещей вдохновенны.
Грибная милая пора!
Душевных сил заряд надёжный,
Есть вдохновение пера,
Есть путь к прекрасному несложный.

Я в эту пору мыслью чист,
Душой богат, натурой целен.
Природа, жизнь, тетрадный лист,
Кисть и мольберт – и всё при деле.

Август 1977 г.

Давнее

Наш край заметно приуныл,
В нём поселилась грусть,
Холодным отблеском луны
Оцинковало Русь.
Замолк весёлый перезвон
Кокетливых осин,
И гонит осень, гонит вон
По небу птичий клин.
Заухал в тальнике глухарь,
Предугадав отстрел,
И поле затянула хмарь,
И горизонт осел.
И ветер озверелый рвёт
На старой крыше жесьь,
И нет в октаве светлых нот,
А грустных в ней не счесть.

Октябрь 1988 г.

Горы Крыма

Вырастают в небе тучи
Выше древних гор,
Только смотрит солнца лучик
На меня в упор.

И стою я недвижимый,
Просветлённый весь,
Что не только горы Крыма —
Я на свете есть.

Крым 1968 г.

Улетают птицы

Улетают птицы от ненастья.
От земли, где холодно и серо,
И никто их задержать не властен,
Разве только выстрел браконьера.

Крепко спят перед полётом птицы,
Сон в пути далёком скоротечен,
Лишь одной израненной не спится
Птице, перехваченной картечью.

В облака она глядит ночные,
За далёкий путь их провожает.
Видно, не встречать теперь весны ей,
Нового не тронуть урожая.

В неба голубеющий проём
Скоро, скоро стая унесётся,
Птица же с простреленным крылом
На земле навечно остаётся.

Ждать, когда её зима угробит,
Иль тоска по небу и по воли?
Из последних сил – навстречу дроби
И ядром о скошенное поле.

Осень 1965 г.

Осенние мотивы

1

Уж снова лето под Москвой
Сменила призрачная осень,
Дождь сиротливый и кривой
Душевного участия просит

И создаёт в душе замес
Тебе несвойственного рода.
Как быстро движется к зиме
Неторопливая природа!

2

К чему теперь о лете охать,
Искать в потерянном резон?
Берёзок жиденькая охра
Размалевала горизонт.
И жалкой зелени лоскутик,
И дач покинутый уют
Так обнажаются по сути.
Что брэнность жизни выдают.

3

По блажи или по привычке
В субботу, лишь открыв глаза,
Спешу в свободной электричке
Катить в осенние леса.
Считать безлюдные платформы,
И в наш быстротекущий век,

Вдруг находить в пределах нормы,
Что жизнь замедлила свой бег,
И ты минуты счастья ловишь.
В медлительности октябрей
Лишь жажда жизни и любовь лишь
В тебе становятся острее.

Октябрь 1970 г.

Любовью болен

Моя звезда

Люблю смотреть в ночное небо,
Терять и снова находить
Звезду, с которою хотел бы
Всё в долгой жизни разделить.

О. счастлив, счастлив человек,
Нашедший звёздочку такую,
Что с ней смеётся и тоскует,
И борется и движет век.

Гори сильнее, моя звезда,
Нелёгкий путь мой освещая,
Тебе я многое прощаю,
И лишь неверность – никогда.

1970 г

«Не ведаю я мелких чувств с тобой...»

Не ведаю я мелких чувств с тобой,

Как парусник в неугомонном море,
Я вижу в необъятном твоём взоре
Заветный берег в зыби голубой.

1975 г.

«О, женщины особый запах...»

О, женщины особый запах,
О, гамма чувственных духов,
Вместили Юг, Восток и Запад,
И негу северных снегов,
Лазурь небес и звёзд мерцанье,
И моря ласковый прибой,
И неизвестность мирозданья
И удивление собой,
И наши жертвы и дерзанья,
И наши подвиги и труд,
И затаённость, и признание,
И блажь, и боль, и самосуд.
Души влюблённой обнажённость,
Безумство ревности слепой,
Святой мечты незавершённости,
И самый первый сердца сбой.

Ленинград 1965 г.

«Обильный и пушистый снег...»

Обильный и пушистый снег
Покрыв ноябрьскую землю,
Его я радостно приемлю
Как детский, лучезарный смех.

Он силы жизни воскресил,
Очистил от рутины тело,
И всё во мне, искрясь, запело
И вырвалось от взрыва сил.

Он в сердце вскрыл тоски нарыв,
Восстановил в душе надежду
На долгожданный и на нежный
Любимой женщины порыв.

Мне кажется, что я сейчас
Могу не только сдвинуть горы —
Снежинок хрупкие узоры
Могу собрать в букет для вас.

Ноябрь 1970 г.

«Дождь всё идёт, и нет ему конца...»

Дождь всё идёт, и нет ему конца,
Парк опустел ободранный, как липка,
И с твоего прекрасного лица
Исчезла лучезарная улыбка.

Так помоги мне, Ариадны нить,
Вернуть весну и лето откровений,
И от дождей и от ветров осенних
Мою любовь надёжно защитить.

Ноябрь 1974 г.

«Отчего на душе полегчало...»

Отчего на душе полегчало,
Отчего просветлел я умом,
Не весны ль долгожданной начало
Душу мне согревает теплом?
Не от этих ли солнечных бликов
На столе на моём, на окне.
Иль что ты доверительно близко
За спиной наклонилась ко мне?

Май 1980 г.

«Я полон ненависти к тем...»

Я полон ненависти к тем,
Кто за притворными речами
Змеёй ползёт к Прекрасной даме,
Чтоб умертвить её затем.

Май 1980 г.

«Я таких улыбок не встречал...»

Я таких улыбок не встречал.
До чего же светлая улыбка!
Светится, как золотая рыбка,
В солнечных играющих лучах.

Я такого взгляда не встречал.
Сколько жизни, сколько счастья сразу!
Я теперь подобен скалолазу,
Что стоит у недоступных скал.

Моё сердце гулко говорит:
«Покорить, во что бы то ни стало!»
Покорить, однако, можно скалы....

Как же красоту мне покорить?

1994 г.

Мужчинам

Когда нам трудно,
Кто поддержкой нам,
Кто в нашей жизни радость и основа,
И кто нас понимает с полуслова?
Сначала мама, а потом жена.
Кто верит в нас,
Кто балует, кто судит,
Кто при разлуках не находит сна,
Кто по утрам разнежившихся будит?
Сначала мама, а потом жена.
А мы – мужчины.
Путь у нас тернистый —
От детских игр до мировой войны,
И каждый раз пред нами образ чистый,
Сначала мамы, а потом жены.

1977 г.

В командировке

Накурился, и нету мочи
Пару слов тебе написать.
Коротки белорусские ночи
И узка в казарме кровать.

Не люблю я стандартных отписок,
Лучше я промолчу и усну.
Вьётся змейкою реченька Плисса,
Заползая в Березину.

Не забыла ль меня, москвичка?
Я и думать о том не берусь.
Чиркнет в полночи бодрости спичка
И приблизит к Москве Беларусь.

Надо спать. Сон у нас, как награда.
Очень рано побудку трубят.
Улыбнись мне заочно. Так надо,
Надо так. Не могу без тебя.

На учениях, 1987 г.

Слова любви

Не обману надежд твоих,
Слова любви не растрезвоню,
Лишь поцелуй пошлю в погоню
И этот откровенный стих.

Прими молчанье наперёд,
Как долгожданное признание,
Не скороспелый и не ранний,
А полностью созревший плод.

Для писем не найду я слов,
Слова любви не прописные,
Ни ценные, ни заказные
Не сохранят их тайный зов.

Они, подобием огня,
Воспламят однажды душу,
Твоё спокойствие нарушат,
И ты не сможешь без меня.

1983 г.

Дым отечества

Август

Кто не пленён был августом российским
С нежарким солнцем, с лёгким ветерком?
Ты для меня, по сути, самый близкий,
Мой добрый август, мой любимый дом.
Люблю тебя за простоту мирскую,
За хлопоты уборочной страды,
За сдержанность по истине мужскую,
За ласку женскую, за сочные плоды,
За человечность, мудрость, изобилье,
За радость каждодневного труда,
За то, что птицам расправляешь крылья,
И к сёлам приближаешь города.
Что твой настрой, спокойный и достойный,
Не терпит боли, грубости и зла,
В мирском труде удерживает войны,
Как бешеную лошадь удила.

Август 1975 г.

Дом

Пришла весна. Пора на дачу.
Я благодарен так весне,
Я жизнь свою переиначу,
Весна необходима мне!
Я сердцем очерствел за зиму,
Рукой заметно ослабел,
Но вот весна пришла – и зримо
Душою я помолодел,
Сменю я скрипы авторучки
На звон пилы, рубанка всхлип,
На шелест, тихий и могучий,
Цветущих деревенских лип.
Почую лёгкость топорища
И удаль молодецких сил.
Я здесь хозяин, а не лишний
На светлом пиршестве Руси.
И так с утра до поздней ночи,
Под визг пилы, под птичий гам,
Как безымянный русский Зодчий
Воздвигну православный храм.
Не храм, конечно, дом построю,
Чтоб был он светел и высок,
Чтоб стал мне храмом он порою
В хитроspлетениях дорог,
Чтоб охладил в горячке душу,

Чтоб при унынье ободрил,
Ничей покой бы не нарушил
И мой покой бы охранил.

Апрель 1981 г.

9 мая

Когда небо полыхнёт от синьки,
Когда зелень вырвется окрест,
Бабушки и женщины в косынках
К небу вознесут молитвы крест.

Выстрелят от напряженья почки,
По земле пойдёт весенний гуд,
И девчата в траурных платочках
Свечи поминальные зажгут.

Забинтует поле боя раны
Йодистой весеннею травой,
Ордена оденут ветераны
И замрут с открытой головой.

От Курил далёких и до Бреста,
И по всей огромнейшей стране
Заиграют Реквием оркестры
В память о погибших на войне.

Будет солнце яростно и жарко
Выжигать из памяти войну,
Подниму я за Победу чарку
И отца и маму помяну.

9 мая 1990 г.

Бабки

Лишь солнце сядет за калиткой,
Лишит деревню позолот,
Как бабка Фролиха улиткой
К скамейке милой поползёт
Вечерней радуясь прохладе,
Посадит на скамейку зад,
Глаза усталые приладит
На солнце красного закат.
Положит руки на подоле,
Настроит к разговорам слух,
Чтоб посидеть вот так, подоле,
В святой компании старух
И рядом с дедом Никодимом,
Теперь единственным в селе,
Что их окуривает дымом
И не лежит ещё в земле.
И до чего ж согласны речи,
И до чего ж приятно им,
Как Никодим во всём перечит.

На то и нужен Никодим!
А без него какие байки!?
И вечер будто не таков.
Без мужиков немеют бабки,
Хотя с войны без мужиков.

1974 г.

Осень России

Снова осень явилась в Россию,
Пригорюнились лес и река,
В светлых каплях холодных росинок
Отражаясь, плывут облака.

Настороженно смолкла природа
В ожиданье ненастной поры,
На холодном лице небосвода
Ярко красятся губы зари.

Обросли кружева паутинок
Бриллиантовой пылью росы,
От неистовых криков утиных
Предвещаньем ненастья грозит.

Я бреду по холодному полю,
Я по сникшему лесу бреду
И глубинной душевною болью

Ощуцаю России беду.

Я не знаю причины тревоги.
От чего мне тревожно сейчас,
Будто все покровители Боги
Навсегда отвернулись от нас?

Октябрь 1993 г.

«Как выразить словами сердца боль...»

Как выразить словами сердца боль,
Как описать увиденное всеми,
Кто предал нас, и мы, какое племя,
Где наши корни, где же жизни соль?

В какое время мы теперь живём?
Мы – дикари, мы – нелюди, мы – твари,
Коль в пьяном, необузданном угаре
Сестёр и братьев беспощадно бьём!

Им вышибаем души и мозги,
Размазываем их по парапету,
И потому вовек прощенья нету
Ни для элиты, ни для мелюзги.

4 октября 1993 г.

«Природа замерла в предчувствии весны...»

Природа замерла в предчувствии весны,
Приметным стало обнищанье снега,
Глаза земли с мольбой вознесены
На проблески нахмуренного неба.

Тоскливость от усталости мирской
И развращённость изначальных истин
Раскрашены всего одним мазком
Весны-красны размашистою кистью.

Воспрянь, восстань, любимая страна,
Отбрось, отвергни затхлость и затменье,
Вдохни свободы, ведь грядёт весна,
А с нею нашей жизни обновленье.

Вослед весне все тучи разнеси,
Не пожалей ни крови, и ни пота,
Чтоб наконец-то на святой Руси
Явилась настоящая Свобода!

Март 1997 г.

Первый день весны

О, самый первый день весны,
Собор из радости и солнца,
Из света, бьющего в оконца
Пастозной кистью белизны.

Как круто солнышко взяло!
И повернули к солнцу лица
И многоликая столица,
И одноликое село.

О, солнца тёплые лучи!
Вы нашей жизни изначалье.
Вас этим утром повстречал я
И грех оставил я в ночи.

При солнце утреннего взлёта
Я к горизонту выхожу
И благородство Дон-Кихота
В себе невольно нахожу.

1983 г.

Свободы чистый воздух

Апреля солнечные блики
В моём скучающем окне
Ещё случайны и безлики,
Но так необходимы мне.
Ведь скоро май, лучи со звоном
Зимы темницу сокрушат,
Покинет заточенья зону
Моя мятежная душа
И обвенчается с мажором,
Достойным счастья и любви,
И я окину светлым взором
Просторы русские мои.
Прими меня, моя Россия,
В свои просторы замани,
В твои сады,
В дожди босые.
Вот явь моя, вот сны мои!

Мытищи, 1995 г.

Заветное

Заря по утреннему саду

Весёлым росчерком бежит.
Я на скамейке старой сяду
И буду словом ворожить,
Коснусь заветного несмело,
Мечту легонько обниму,
Ни обещанием, ни смехом,
Ни словом их не обману.
Они поверят мне, я знаю,
Они разумны и просты,
И понесу я их, как знамя
На баррикады доброты.

Июнь 1988 г.

И снова за перо

«Всё удивительное рядом...»

Всё удивительное рядом.
Вглядись внимательнее в жизнь
И майским яблоневым садом,
Как белым солнцем, обожгись.
Забудь на миг, что стал ты взрослым,
Что стал солидным и с баском,
И безмятежно утром росным
Пройдись по полю босиком.
Не бойся, что отхватишь лишку,
Что люди могут не понять,
И разбуди в себе мальчишку,
Футбол готового гонять
С утра до вечера глухого
Без отдыха и без еды.
И в этом нету, право слово,
Ни малой, ни большой беды,
А есть большое счастье детства...

Май 1989 г.

«Верни мне веру, ветер вешний...»

Верни мне веру, ветер вешний,
Я без неё слепой,
Качаюсь я засохшей вишней,
Необязательный и лишний,
Пустой.
Земля весенняя, вдохни
Всё буйство молодого сада,
Необходимость мне верни
И непосредственность весны.
Мне больше ничего не надо.

Май 1997 г.

«Не лягу спать, пока не запишу...»

Не лягу спать, пока не запишу
Я этих строк, что растерзали душу.
Нет, я ещё по жизни не спешу,
Ещё меня бессонница не душит.

И всё же, что я в жизни совершил,
Какую строчку написал в наследство?
Скорей стихи вытягивал из жил

Или впадал, как и другие, в детство.

А ведь в мои года уже пора
Не мельгешить, душой остепениться,
Не сдерживать решительность пера
И дать душе теплом испепелиться.

22 августа 1977 г.

Кукушка

Едва весёлыми лучами
По утрам вспыхнет небосвод,
Тепло повеет над полями
И пчёл повыгонит из сот,
И новый день разгонит дрему
Всего, что видится окрест,
И позовёт меня из дома
Проснувшийся по утрам лес.
Из дымки выплывет опушка
И лес откроет за собой.
С утра вдруг вздумает кукушка
Гадать над чьей-нибудь судьбой.
Гласит народное преданье:
Мол, только зародится свет,
Считай года по кукованью,
Кукушка скажет, сколько лет
Тебе прожить на белом свете,

Его безудержно любя.
Никто не верит в байки эти,
Но все считают про себя.
И я не верю, но считаю,
Кукушку глупую моля.
А вдруг замолкнет, вдруг устанет,
И жизнь закончится моя.

Лето 1974 г.

«Осень слов не понимает...»

Осень слов не понимает,
Осень думы признаёт.
Ты оставь слова для мая,
Май придёт – тебя поймёт.

А пока взгрустни немного,
Молча песню подожди,
Впереди лишь синь-дорога,
Да безмолвные дожди.

Посмотри, как листья вбиты
В грязь дорожную дождём,
И пойми земли обиды,
Если ты понять рождён.

Если сердце болью ранит

Плач осеннего леска,
Если изморозью ранней
Серебрится у виска.

Ленинград 1968 г.

«Прояснит, отдохнёт душа...»

Прояснит, отдохнёт душа
С приходом осени печальной,
И мысли станут, не спеша,
Стремиться к сути изначальной,
К той самой сути бытия,
К той самой жизни во Вселенной,
В которой, все – и он, и я
Присутствуем частицей тленной.
С природою соотносясь,
Я возрастом вступаю в осень,
Биологическая связь
Сравнения с природой просит.
Сравнившись с ней, я понял вдруг,
Что мне осталось жить немного,
Что скоро мой замкнётся круг
По воле времени и Бога,
Что опадёт последний лист
С последним вымолвленным слогом.
И я, надеюсь, буду чист
Перед людьми, и перед Богом.

Февраль 1997 г.

«Порывы ветра снег разносит...»

Порывы ветра снег разносит
С полей открытых в небеса,
Метель бежит в пространстве просек
И бьётся мордою в леса.
Куртины, рощи и дубравы.
Спасти я боженьку молю
От вседозволенной забавы
Зимы-злодейки во хмелю.
Чтобы весне-красне под силу
Окрест всё зеленью объять.
И уж потом мою могилу
В земле податливой копать.

Февраль 1986 г.

Источник утешения

Миг утешенья – только слабость
В твоём нацеленном пути,
Пускай лишь слабый отзвук славы,
Но предназначено будить

В твоей душе сознание веры,
Зажечь погасший огонёк
И расшатавшиеся нервы
Связать до времени в клубок.
Кто, что источник утешенья:
Улыбка ль женщины простой,
Забывтой песни воскрешенье,
Или открывшийся простор,
Иль друга крепкое пожатье,
Тепло в заснеженной избе?
Всё, как погожий месяц к жатве,
Всё в утешение тебе.
И ты душой обетованной
И просветленным вновь умом
Поймёшь, что ты не гость незванный,
Не неожиданный, как гром,
Не дом пустой, готовый к сносу,
И не покинутый ковчег,
И не репей, залипший в косу,
А нужный людям человек.

1985 г.

Дмитрию Кедрину

Черкизово в снегу,
И снега скрип,
И лёгкого морозца нетерпенье,

Как ликованья праздничного крик,
Его перу давали вдохновенье.
Врывался в дом,
Скорей, скорей к перу!
И рассыпал мгновенно
Бисер строчек,
Чтоб первым встретить
Солнце по утру,
Чтобы последним
Распростаться с ночью.
Как он спешил
Безудержно творить,
Не оставляя времени для точки,
Чтобы потом
России подарить
Поэзии немеркнущие строчки!
Черкизово в снегу,
В снегу порог,
Встаёт заря устало из-за речки,
И Дмитрий Кедрин,
Отложив перо,
Щекой прижался
К выстуженной печке.

27 ноября 1974 г.

«В душе разорвана струна...»

В душе разорвана струна,
Сегодня пустозвонен весь я,
И равнодушная луна
Глазеет тупо с поднебесья
И я ей вторю пустотой,
Такой бездушной и безликой,
Такой дешёвой и простой,
Довольный песней невеликой.

Июнь 1977 г.

«Лишь в августе стремлюсь я стать поэтом...»

Лишь в августе стремлюсь я стать поэтом,
Лишь в августе парю в полёте птичьем,
Я преклоняюсь перед мудрым летом,
Перед его красою и величьем.

Мне так близка родного лета зрелость,
И ничего не может быть чудесней,
Нет ни минуты, чтоб в душе не пелось,
И нет ни дня, чтоб я не встретил песней.

Август 1988 г.

Осень любимая

Как осень чувства обостряет
И дум тревожит глубину,
Неизгладимая, простая,
Люблю тебя, тебя одну!

Устойчива на небе синь,
Так благодатно и погоже,
Что нет милее и дороже
Тобой написанных картин.

Давно уж скошена трава,
Стога, как пирамиды, встали,
Тяжёлые тетерева
Людей таиться перестали.

Под солнцем выгорает лес,
Аукающий и манящий,
Там Акулины и Маняши
Перекликаются окрест.

Пегас мой – сивая лошадка
Парит натруженной спиной,
Воз сена, вздыбленный и шаткий —
Парнас обжитый и родной.

И я – неизданный поэт,
Лежу, как Бог, на стоге сена,
Пусть говорят: – несовременно,
Зато прекрасно. Спору нет.

Сентябрь 1975 г.

«Пролетели года...»

Пролетели года,
И, как видно, впустую,
Потому, что я делал
Не то и не так,
Потому в пятьдесят
Всей душой протестую,
И сжимается сердце
В бессильный кулак.
Сколько ж мне суждено
Видеть чудо рассвета,
Может, год, может, два
Может двадцать ещё,
Но я верю, что я
Неизбывного рода,
Хоть безбожник и грешник,
Но я же крещён.
Не по библии жил,
Но заветы христовы
Жили в сердце моём

И в горячей душе.
Жизнь сбивала меня,
Но я снова и снова
Воскресал и вставал
На любом рубеже.
Мне лишь Друг, а не враг
Мне лишь Бог, а не леший,
Лишь Поэт, а не маг,
Начертали мне даль.
Я не всадник лихой,
Я обычный, я пеший,
Пацифист и романтик,
Сочинитель и враль.
И считаю – я прав,
Потому и свободен,
Не стремлюсь я к высотам,
К славе я не стремлюсь,
Современен, конечно,
И всё ж старомоден,
Не играю по нотам,
Но сфальшивить боюсь.

22 августа 1987 г.

Из сборника «День за днём» 2002 год

Отблески любви

Весна

Уже не первый день с утра
Сияет солнце веско, зримо,
Весна теснит лучами зиму
И атакует на «ура».

Как всё-таки прекрасна жизнь!
Как не любить весну такую?!
Душой восторженной ликуя,
Стремишься в солнечную высь.

И чувствуешь, что ты летишь
И ловишь чудные мгновенья,
И что душа твоя весенняя
Поёт, звенит капелью с крыш.

Весна. На лавочке сажу,

И шурясь ласково на солнце,
Я там, в душе, на самом донце,
Кусочек счастья нахожу.

Апрель 1980 г.

Вьюжная ночь

Чем ярче ягоды рябины,
Тем будет яростней зима,
И склонят головы повинно.
Пред зимним холодом дома.

Дома испуганной деревни
В метельном мареве замрут
И пред зимою в страхе древнем
Все двери накрепко запрут.

Дороги, тропы и чащобы,
Дома, сараи и стога.
В угаре мщения и злобы
Завьюжит буйная пурга.

И загудят печные трубы,
Дым унося в тартарары,
И на метель оскалит зубы
Дворовый пёс из конуры.

Огонь подслеповатой лампы
Ревниво глянет на луну,
И снежного медведя лапы
Забьёт по тусклому окну.

И долгий вечер коротая,
Один, в заснеженной избе,
Я буду слушать, замирая,
Как домовый скулит в трубе.

Зима 1980 г.

Град

Долбили громы землю градом,
И белый сыпался горох,
Метался над дрожащим садом
Какой-то ошалелый бог.

Под дробь тугого барабана,
Под непрерывный тарарам,
Град бил размашисто и рьяно
По разметавшимся кустам.

От нестерпимо страшной боли
Остались яблони без рук,
Осыпанные крупной солью,
Катались яблоки вокруг.

Пока на славную обедню
Слетались галки и дрозды,
Бабулька в вёдра и передник
Собрала битые плоды.

И солнце тоже не отстало —
Раскинув жаркие лучи,
За день все градинки склевало
И скрылось, сытое, в ночи.

Лето 1988 г.

Поверье о птице

В мой дом залетела синица,
Отчаянно бьётся в стекло.
Зачем, неразумная птица
Тебя вдруг ко мне занесло?
Какая нечистая сила,
Нарушила в доме покой,
Кого предо мной воскресила
И к дате вернула какой?
Зачем мне такие напасти,
Что с лёту вот так и под дых?
Не нужно мне лёгкого счастья,
Тем паче не нужно беды.
Есть в сёлах такое поверье:

В преддверии яростных стуж,
Пичуга, влетевшая в двери —
Посланница умерших душ.
Приносит те души согреться
Из холода мрачных могил,
И бьётся усопшее сердце
Под быстрыми взмахами крыл,
И криком отчаянья кличет,
Заблудшую память зовёт,
Случается тех обезличит,
Кто только за умерших пьёт.
Напомнит, что жизнь наша тленна,
Беспечные выбьет мозги,
Поставит живых на колена
Пред скорбным укором могил.
А если наивная птица
Весною влетает в окно,
То счастье должно вам явиться,
И горю здесь быть не дано.
И ранней весной нараспашку
Все окна спешу я открыть,
Чтоб только залётная пташка
Мне счастье смогла подарить.

Зима 2000 г.

Журавли

Меня заморозили журавли
Стремительным разбегом перед взлётом,
Они кричат полям и огородам
Прощальное, протяжное: «Курли»...
Уходят гордо ввысь, по одному
И плавно машут сильными крылами,
Уносят лето с тёплыми дождями,
Скрываются в лазоревом дыму.
Я долгим взглядом провожаю их,
И на душе так грустно, так тревожно,
Как будто всё оставшееся ложно,
И никогда не выложится в стих
Прощайте мои друзья, журавли!
Прощаясь с вами, я прощаюсь с детством,
Со сказочно хрустальным королевством,
(Хотя причём здесь, здраво, короли?)
Я буду бредить синею тоской
И рваться вон из человеческой плоти,
Не находить в своей душе покой
И задыхаться мыслью о полёте.

Октябрь 1970 г.

Осенний дождь

Во всём винят осенний дождь,
Мол, он залил поля и хаты,
Мол, он на летний не похож,

Но он совсем не виноватый.

Ведь он не выпался опять,
Старательно работал ночью,
На пнях выращивал опят,
Держал за хвост семью сорочью.

С капустных вымывал листов
Он сотни гусениц лохматых,
От стаи рыщущих волков
Спасал рогатых и сохатых.

Хотел остановиться днём
Он на моей промокшей даче,
Но Север взял его в наём
И обязал его батрачить.

Велел ещё неделю лить,
Отдать земле воды излишек
И так надолго отлучить
С футболом уличных мальчишек.

Сентябрь 2000 г.

Отпуск

Придёт мой заслуженный отпуск,
И вырвусь из города я,

Пора и тебе, сельский отпрыск,
Податься в родные края.

Поеду, где буйные травы
Поднялись в невиданный рост,
Где церкви усталые главы
Глядят на унылый погост.

Поеду, где старый колодец
Ведёрко несёт на цепи,
Где солнышко колобродит,
И ветер ноздрями сопит.

Поеду, где вольное поле,
Где лес тишиною объят,
Где белых собирают поболе,
Чем даже осенних опят.

Поеду, где в прудике тесном
Карасики есть и бычки.
Поеду. Как в мыслях прелестно!
Как отпуска дни далеки.

Апрель 1983 г.

Вакх и Спас

Мой Август приметен хорошей погодой,

Устойчив и светел над ним небосвод,
Мой Август, наследник какого ты рода,
Куда тебя память сегодня зовёт?

Быть может, твой предок
и римский патриций,
И греческий бог, оседлавший Олимп?
Для них я лишь смерд,
но успел породниться.
С тобою, мой Август, под кронами лип.

Мы оба с тобою славянского рода,
От русских полей, от лесов и от рек,
Поскольку души твоей чувственной сроду,
Не ведал ни римлянин гордый, ни грек.

Мой Август, душой просветлённой —
ты русский,
От всех деревней и от всех городов
Шагаешь торжественно с полной нагрузкой
Созревших соцветий и сочных плодов.

Твой облик божественной кистью Рублёва
Был писан под сенью святых куполов,
Мой внук о тебе отзывается: – «Клёво!»,
Не зная других восхитительных слов.

Ты царственно ярок на русских просторах,
Не скован никем ни в делах, ни в правах.

Зачем тебе, Август, замшелые горы,
Зачем тебе вечно пирующий Вакх?

Ты Спасом у нас рукотворным зовешься,
Благоволит к тебе русский народ.
Мой Август, ты в Риме каком остаёшься,
В каком ты продолжишь
свой царственный род?

Задумался Август полуденным часом,
На пьяного Вакха глазами скосил,
Взял яблоко, русским рождённое Спасом
И с хрустом по-русски его надкусил.

Август 1991 г.

Последний день лета

Последний день лета настал,
Такая вот в жизни потеря.
В погожую осень не веря,
Поник у пруда краснотал.

Для ветров открылся простор,
Они без стеснения гуляют,
Леса и сады оголяют,
И гонят листву под забор.

Совсем обнаглели дрозды,
Летают вольготно и лихо,
И жмётся к окну облепиха
И прячет под крышу плоды.

Комбайны пошли на поля
Под лопасти стелют пшеницу.
По замыслу наша земля
Должна бы кормить заграницу.

Собрать урожай на пирог
Осталась всего лишь неделя,
А всё остальное не впрок
Сметут и дожди, и метели.

Редуют коровьи стада,
Гниют опустевшие фермы,
По линии злой изотермы
В стране утихает страда.

Приходит пора неудач
Под сход худосочного года,
Всё больше и больше народа
Съезжает по осени с дач.

И я отъезжаю в Москву
С моей остывающей дачи,
Я, с ней расставаясь, поплачу,
И в город с собой позову.

Октябрь 2001 г.

Вечность

Чеканит солнце золотые слитки
Прибрежных галек,
Космической ракетой перед стартом
Замер кипарис,
Уверенно уносит левым галсом
От берега морские тайны бриз.
Плывёт по самой грани горизонта
Большой корабль
Желанный, будто вызванный на бис,
И миллиарды изумрудных капель
Раскатисто врываются на пирс.
Два белых паруса вписались в неба синь,
Прибрежную волной баркас качает,
Прибоя перекатные басы
Сливаются с фальцетом громким чаек.
Под парусом тугим несусь я по волне,
В решительном посыле скоротечности,
И счастлив я, что довелось и мне
Пожить разумною частицей
В этой вечности.

1980–2001 г.

Одна достойная минута

Зачем разбужены сомненья
В раздумьях нудного житья,
Зачем мечты и откровенья
Не пощадил сегодня я?
Не потому ли, что постыло
Однообразие влачить,
Не потому ль, что лишь в затылок
Бьют восходящие лучи?
Что дум житейских хоровод?
Они лишь жалкие обрывки,
Они в твоих мозгах обвыкли,
Зависли от мирских забот.
Все одинаковы по сути,
Все без начала и конца,
Не движут мускулы лица
И жизнь съедают по минуте.
Но вот вдруг высветит одна,
Сверкнёт стремительной звездой,
Тебя раскроет и расстроит,
Лишит спокойствия и сна.
Из тысяч прожитых минут
Одна достойная минута —
Прыжок к мечте без парашюта,
Освобождение от пут!
Заставит, презирая смерть,

Душой и сердцем засветиться,
От напряжения сгореть
И светом по земле разлиться!

1987 г.

Ты

Такая светлая ты,
Такая чудная,
Ты – созвездье моей мечты,
Жизнь на ласки
Такая скудная,
Исключенье в ней
Лишь ты.
Я с тобою,
Как полдень вишенный,
Сердцем солнечным
Я стучу,
Я общительный,
Я возвышенный,
Я с тобою любить хочу!
Лишь боюсь одного
Неясного,
Неизбежного, судного дня,
Когда ты,
Со мной несогласная,
Вдруг возьмёшь

И покинешь меня.

Январь 2000 г.

«Уходят ноябри и декабри...»

Уходят ноябри и декабри
Безликие, тоскливые, слепые.
Покрепче чай, супруга, завари
И принеси бокалы расписные.

С тобой сидеть мы будем при свечах,
Пить крепкий чай, не утруждаясь словом.
Что толку в тех приевшихся речах,
В которых всё, и ничего о новом?

Январь 2000 г.

«Шёл май. Сирень цветения заждалась...»

Шёл май. Сирень цветения заждалась,
И, наконец, как фейерверк, взорвалась
И белым цветом выстрелила ввысь,
И красотой, и благоуханьем,
Хотя с большим, как дама, опозданием

Явилась в мою суетную жизнь.

Май 1999 г.

А. С. Пушкин

10 декабря 1825 года

Тот миг, как казнь и как пытка,
Остался роковым навек,
Тот миг, когда его кибитка
Прервала к Петербургу бег
И развернулась по дороге.
Судить его побойтесь боги!
Что он оставил позади?
«Порывы юности мятежной...»
О, сколько круговерти снежной
В его растерзанной груди!
Бунтует сердце великана,
Соединяет даль и близь
Неугомонно, неустанно
В одну терзающую мысль:
Какой неотвратимый рок
Рукой решительной и братской
Его вернул, И он ведь мог
Быть там, на площади Сенатской,
И быть закован в железа?
Ужели тот пугливый заяц,
Что промелькнул в его глазах

И оборвал с Сенатской завязь?
Душа, рождённая к порывам,
Распята вёрстами земли,
И бьются огненные гривы
Над белой пропастью зимы.
О, вольнодумцы! О, друзья!
Души осиротелой братья!
Ужели всё, ужель нельзя
Вернуть историю обратно?
Вернуть?... Не в силах даже Бог!
Такое буйное смятенье!
Кнута раскованный хлопок
Души разбил оцепененье
И бросил в белизну снегов
Его простреленное сердце,
И высек контуры гробов,
И грозный профиль самодержца.
Гони, недремлющий ямщик,
Пока душа клокочет в теле,
Твой быстрый хлыст,
Твой бодрый крик —
Одни властители метели!
А. Ну-ка, тройка удалая!
А, ну, родная, удалей!
Надежда душу обогрей,
Не одолей судьбина злая.
Не одолей, и сквозь невзгоды
Свободная воскресни жизнь,
Зажгись в ночи звездой свободы,

Неугасающей, зажгись!

Зима 1985 г.

«**Всё начинается с азов...**»

Всё начинается с азов
На каждом Рубиконе,
От первых вымолвленных слов,
До слов в смертельном стане.

Я слов достаточно познал,
Их силу и бессилье,
Теперь и сердце, как штурвал,
И руки, точно крылья.

Но не познал я только слов
Единственных на свете,
Что могут выше облаков
Меня поднять в бессмертье.

1990 г.

Очищение болью

Гроза в декабре

В отместку плановости строгой
И вопреки календарю,
Гроза рассерженного бога
Ударила по декабрю.

Сверкали молнии, и громы
С деревьев осыпали снег,
Был саркастически весомым
Всех демонов небесных смех.

Рвал ветер яростно афиши,
Гнал загулявшихся взашей,
Валил рекламы нуворишей
И мял палатки торгашей.

И обыватели столицы
Чесали праведные лбы:
Такому надобно ж случиться,
То божий перст, то перст судьбы!

Не верили, что так бывает —

Гроза бушует средь зимы!
Гроза заслуженно смывает
Тот срам, что сотворили мы.

Декабрь 2000 г.

Острое чувство

На улице снежная каша,
Бесцветный, безликий февраль,
Как жизнь беспросветная наша,
Как наша пустая мораль.
И, как ветерок переменный,
Разброд и шатанье умов,
И острое чувство – я тленный,
Превыше всех бодреньких слов.
Боясь гробового затишья
И гнёта холодных могил,
Настырно цепляюсь за жизнь я
Из всех мне оставшихся сил.
Каким же себя одиноким
Я чувствую, жизнь так любя.
Я все ощущаю пороки
И всех их беру на себя.

Февраль 1999 г.

Чего хочу?

Всё, начинаю жить по-новому.
Довольно бестолковых дел!
Пусть по характеру и норову
Не шибко крут, не шибко смел.
Чего же я желаю страстно,
Чего же? Так и не пойму,
То ни душе, и ни уму,
Ни сердцу также не подвластно.
Покоя? Нет. Борьбы? Едва ли.
Труда до пота? Может быть.
Познать неведомые дали,
Иль состояние скопить?
Нет, всё не то, не вдохновляет,
Лихого старта не даёт,
Скорей стремленья обнуляет,
Перекрывает кислород.
А, может, жду того я часа,
Когда я, признанным, смогу
Помчатся вниз с высот Парнаса
И задохнуться на бегу?

2000 г.

Уходит лето

Уходит август, меньше стало света,
И быстро, быстро угасает лето,
Весёлых птиц ослабли голоса,
И всё обильней по утрам роса,
И все кусты разросшейся малины
Окутали узоры паутины.
Уходит лето, наступает осень,
У времени мы продолженья просим,
Но время – Бог, оно неумолимо,
И уплывает точно кольца дыма
От выкуренных мною сигарет.
У времени альтернативы нет.
Всему и всем отмерено природой,
И как ты не бравадься, не ершишь,
Мгновения, спрессованные в годы,
Нарращиваясь, сокращают жизнь.
Всё меньше тех мгновений остаётся,
И всё труднее каждый шаг даётся,
И ты спешишь, и жертвуешь собою,
И ощущаешь сердца перебои,
Глотаешь сигарет полночных дым,
И сознаёшь, что слаб ты, и раним.
Уходит лето...

Август 2001 г.

Нельзя

Есть у людей причуды и пристрастья,
Есть авантюры прискорбная стезя,
И всё же все, при власти и без власти
Должны блюсти, что можно, что нельзя.
Нельзя убить и воровать нельзя
И подличать, и предавать, и гадить.
Но те табу нарушили князя
Всё ради власти и богатства ради.
Вослед за ними потянулся смерд:
Коль можно им, то почему я хуже?
И разгулялась повсеместно смерть
И затащила узел зла потуже.
Как это зло вовек искоренить?
Оно в крови и вскормлено кровями.
Зерно добра лишь стоит породить —
Мгновенно зарастает сорняками.

2001 г.

Ночь в деревне

Деревня, ночь, и кваканье лягушек,
Ночной фонарь чуть освещает пруд,

Да отплеск фар от редких легковушек
Выбеливает листьев изумруд.

Гляжу в окно: журавль у колодца,
На сером небе ни одной звезды,
На взгорье мерин в темноте пасётся,
Освободившись от дневной узды.

Под сенью лип припрятались избушки,
В них света нет, деревня спит давно.
Висячий рельс тревожной колотушки
Напоминает старое кино.

И первобытность деревенской ночи
Зажала душу обручем тоски.
Как гулко сердце в немоте клокочет,
Как бьётся кровь горячая в виски.

Август 2000 г.

Всё нормально

Дождь прошёл, и радуга повисла,
Засверкали гляncем тополя.
Жизнь моя, напрасно ты прокисла,
И напрасно потерялся я.

Горизонт от туч освободился,

Заиграл весельем неба шёлк.
Что ж ты отчуждёньем оградился
И в себя безвременно ушёл?

Встрепенулись ветки краснотала,
Заплясали в зеркале реки.
Вытряси с души своей усталость
И себя на дело обреки.

Ветерок замолк на перепутье,
Он уже шарахаться устал.
Всё нормально, и по самой сути,
Ты ещё ни в чём не опоздал.

2001 г.

Деревни

Российская святая глухомань,
Мир чистоты и мир уединенья,
Там мятный дух от деревенских бань
Твоей душе даёт успокоенье.

Там в буйстве красок полевых цветов
Гудят шмели и мельтешат стрекозы,
Преобладанье северных ветров
И по зиме трескучие морозы.

Давно к селу дорога заросла
И покосились древние избушки,
Одна лишь треть осталась от села
И в этой трети лишь одни старушки.

Деревня запустения молчит,
Никто молчанье то не нарушает,
Лишь иногда, сердит и нарочит,
Собачий лай округу оглашает.

У деревень судьба предрешена,
Их время за ненужностью рушит.
Настоянная зноем тишина
Закладывает, как в полёте, уши.

Который год, и всё в последний раз,
Я вижу их, они подобны раю,
Века ушли, и вот уже при нас
Они с покорством тихо умирают.

Июль 1996 г.

На погосте

С дождями октября меня терзает грусть,
Блажит душа и замирает сердце.
Как в бездорожье заплутала Русь,
Так вот и я, куда не знаю деться.

Умом я понимаю, что ничем
Я воскресить веселие не в силе.
О, как я тих! О, как прискорбно нем!
Торчу, как крест столетний, на могиле.

Иду смиренно на глухой погост,
Что притаился сбоку у церквушки.
Здесь я один. Я здесь проезжий гость,
И нет в кармане ни одной полушки.

Нет, не глухой я. Нет, я не слепой,
Нет, я не попрошайка и не нищий.
Не нарушая пращуров покой,
Я надписи замшелые очищу.

И вглядываясь в чьи-то имена,
И считывая жизни чьей-то даты,
Я в отрешенье чёрном, как монах,
Предстану перед вечностью распятым.

Душа и мысль на глубину веков
Всего на миг готовы опуститься,
Но от тяжёлых роковых оков
Не смогут никогда освободиться.

Октябрь 2000 г.

«Я много в жизни упустил...»

Я много в жизни упустил
Не оттого, что не хватало сил,
Не от того, что был во всём умерен,
И в правоте поступков не уверен,
Не оттого, что не терзал я душу.
И часто был по жизни непослушен,
И что не льстил, и многое прощал,
И никому любви не обещал,
Не оттого, что счастья не достоин,
А потому, что просто я не воин.

Осень 2000 г.

«Стихами я переболел...»

Стихами я переболел,
Они застряли комом в горле.
Ах, сколько ж выпущено стрел
В унынье, в радости и в горе!
Так сузился видений круг,
Замкнув обычное, пустое,
Что мысли ничего не стоят,
В них нет ни радостей, ни мук.

Где твои праздники ума,
Где пилотаж души небесной?
Одна сплошная кутерьма
В квартирке маленькой и тесной.
Но вот последняя строка
К выздоровлению взывает
И саркастически взрывает
Тоски холодной облака.

Лето 2001 г.

Предисловие к сказке

Альтернатива

Я, как конь в открытом поле,
Чуткий и встревоженный,
Поскакал бы я на воле,
Только вот стреноженный.

Я, как заяц-непоседа,
Потрусил бы в ближний лес,
Только волк пойдёт по следу
И меня, зайчишку, съест.

Я, как птица, громогласен,
Так мне хочется взлететь,
Только я собой не властен —
Клетку мне не одолеть.

Я, как лебедь величавый,
Пофасонить что бы мне?
Только змей золотоголовый
Притаился в стороне.

Я, как кошка-лежебока,

Что мне сладко не поспать?
Только вот кусают блохи,
Мне же некого кусать.

Лето 1995 г.

Про корову

Корову кормили капустой,
Умытой обильной росой,
И вместе с жевательным хрустом
Корова предстала козой.

Корову кормили морковью,
Кипела от вкуса слюна,
И вместо походки коровьей,
Как заяц скакала она.

Корову кормили арбузом,
Такой замечательный плод!
Корова же маялась пюзом,
Из вымени лился компот.

Корову кормили бананом,
Такая заморская муть!
Корова ушла к обезьянам
И била копытами в грудь.

Корову кормили колючкой,
Одним из противнейших блюд,
И стала корова та злючкой,
Плевала на всех, как верблюду.

Корову кормили мочалом
И мягким, и гладким, как шёлк,
Корова совсем одичала,
И выла она, будто волк.

Один только инок смиренный,
Что скит обживал далеко,
Корову кормил сочным сеном
И цельное пил молоко.

Июнь 2001 г.

Из сборника «Листопад» 2003 г.

Выездное лето

Соловей

Распелся утром залихватский
В кустах малины соловей.
Он не какой-нибудь кабацкий,
Он самых голубых кровей.

Такие выдаёт рулады
И так захватывает дух,
Что безразличный, глуховатый
К нему прислушался петух.

В ответ жерёбая кобыла,
На днях готовая рожать,
Слегка копытами забила
И начала тихонько ржать.

И также я, боясь потери

Его высоких, чистых нот,
Душой токую, как тетеря,
Разинув от восторга рот.

Май 2000 г.

«Я весною словами богат...»

Я весною словами богат
И, как мастер, рукой вдохновенья
Драгоценный вкрапляю агат
В ожерелье стихотворенья.

Я отдам своё сердце стиху,
Свет души своей искренней вплавлю.
Не берусь подковать я блоху,
Но плясать непременно заставлю.

Май 2000 г.

«Я не могу остановиться...»

Я не могу остановиться,
Таков весны пришедшей шаг.
На волю вырвалась, как птица,
Моя мятежная душа.

Давно я так не волновался
И не был волен так давно,
Я в жизнь стремительно ворвался,
Мне что-то новое дано!

Хоть знаю я, взлёт будет краток,
Дни вдохновенья сочтены.
Спешу палитру ярких красок
Оставить на холсте весны.

Май 2000 г.

Дятел

На старой кряжистой сосне
Долбит кору настырный дятел,
Похоже, он немного спятил,
Так расстучался по весне!

Кричу ему: – Остановись!
Не вышибай мозги напрасно
И оглядись, ведь так прекрасна
И так неповторима жизнь!

А он ещё сильнее долбит,
К моей патетике холодный.
Не лирик он, а челобит.

Что лирика, когда голодный?

И я его могу понять,
Голодные запомнив годы.
Пустой желудок как унять
Одной лишь прелестью природы?

1998 г.

Перед сном

Люблю я вечерком в прохладе
В беседке дачной посидеть,
С душой неугомонной сладить,
В ночное небо поглядеть,
Увидеть бледный лунный отблеск
И туч далёкие гряды,
Понять, быть может, чей я отпрыск,
С какой пожаловал звезды?
Кто правит мной, кто направляет,
Кто любит, ненавидит кто,
Иль дурака со мной валяет,
Как вздорный клоун в шапито?
И так вот, про себя толкуя,
С собой толкуя допоздна,
Понять, о ком душа тоскует,
С какого бесится рожна.
В ночи погаснет сигарета,

И я пойду, усталый, спать.
Я не найду ни в чём ответа
И буду мучиться опять.

Лето 2002 г.

«Я, засыпая, сочиняю стих...»

Я, засыпая, сочиняю стих,
А утром занесу его в тетрадку.
Мне лень вставать, мне так тепло и сладко
На шёлковых подушках пуховых.

Ещё одна рождённая строка
На память ненадёжную ложится,
Но этой строчки я могу лишиться,
Коль к ручке не дотянется рука.

Я полусном терзаем без конца.
Уж столько строчек память накопила!
Но голова, что тяжелей свинца,
Их, как котят, нещадно утопила.

2001 г.

«Я дам стихи свои читать...»

Я дам стихи свои читать
Траве не скошенной, июньской,
Птенцам, что начали летать,
Козе, что величают Дунькой,

Свои стихи я предложу
Лощине, пруду, полю, лесу,
Лягушке, оборотню, бесу,
Сороке, дятлу и ежу.

Я запущу их по садам,
На всю любимую округу,
Потом отдам на отзыв другу,
Затем лишь критикам отдам.

Июнь 2000 г.

«В этот вечер час за часом...»

В этот вечер час за часом
Я гоняюсь за Пегасом.
У меня – овёс и плеть,
У Пегаса – крылья,

Так должно ж со мной взлететь
Божество кобылье!
Только сколько ж с ним возни,
Сколько нервов, братцы!
Не желает, чёрт возьми,
Он со мною знаться.
Задаётся, спору нет,
И воротит рыло,
Говорит: – «Ты не поэт,
Графоман бескрылый».

2000 г.

«В деревеньке, где нет электричества...»

В деревеньке, где нет электричества,
Когда гаснут дневные лучи,
Я, склонившись, сажу пред величеством
Освещённой свечою ночи.

И при свете скупом и интимном,
Зыбким, точно болотные мхи,
В полумраке прокуренном, дымном
Я **всю** ночь сочиняю стихи.

д. Фёдоровское, лето 1997 г.

Коктебель

Акварели Волошина,
Жаркий крымский пейзаж,
Я качусь, как горошина,
На заброшенный пляж.

Зелень жухлая мается
Среди древних камней,
И качается маятник —
Серый бриг на волне.

Солнце отблеском скошено
В жёлтом мареве гор,
И я взором Волошина
Обнимаю простор.

Вал зелёный пугливо
Отвечает на зов,
И небесные гривы
Бьются в споре ветров.

Кровью дедов и прадедов
Поле выкрасил мак,
И упал крупной градиной
Неприкаянный Макс.

И глядит растревоженный,
От бескровия бел,
С акварели Волошина
Городок Коктебель.

Лето 2001 г.

«Дороги осенью прокисли...»

Дороги осенью прокисли,
Бугрится грязь из-под колёс,
И тянутся пустые мысли,
Как опороженный обоз.

И долго не бывать иному,
Я опечаленный сижу
И акварелью по сырому
Картину грустную пишу.

Ноябрь 1999 г.

Журавли России

Осенним взглядом солнца лик
Едва высвечивал округу.
Летели с криком журавли,

Поротно направляясь к Югу.
Их на плацу увидел полк,
И потянулись к небу лица
В голубовато-серый шёлк,
Где клином выстроились птицы.
Звонкоголосые «Курли»
Солдат замороженных звали
Во все края родной земли,
В которых долго не бывали.
И замер командир полка,
Направив взор к солдатским лицам,
Была в них радость и тоска,
И зависть к улетающим птицам.
Недолго продолжался крик
У журавлей в небесной сини,
Но он оставил счастья миг
В сердцах у сыновей России.

1999 г.

Листогон

Ударил с маху в спину лета
Осенний ветер-листогон,
Погнал листья вдоль парапета
На неухоженный газон,
На полинявшие скамейки,
На милицейские посты,

Где воровских ворон семейки
Терзают жалкие кусты.
Где одинокий горожанин,
Открывши зонтика колпак,
Бредёт к платформе Северянин
Во след за дюжиной собак.
Мелькают окна электрички
В просветах клёнов и ольхи,
В ней все читают по привычке
И кто-нибудь мои стихи.
А я бреду, гляжу в смятенье
Обескураженной души
На этот грустный день осенний,
Как нищий смотрит на гроши.

Октябрь 2000 г.

Осенний театр

В мозаике опавших листьев,
В палитре золотой ковра,
Ищу я вдохновенья мысли
И вдохновение пера.

Бреду задумчивый по парку,
Осенней дремою влеком,
На чистом небе лишь помарки
От набежавших облаков.

При виде осени-актрисы,
Они впадают с нею в раж
И загоняют за кулисы
Весь мной задуманный пейзаж.

Сегодня осень не явилась,
Её, должно быть, напугал
Проныра-ветер, как я ярило,
Со свистом облака прогнал.

И где-то там, за перелеском,
Собравшись в стаю чёрных туч,
Они всему и всем в отместку
Предгрозовой поднимут путч.

Но ветер снова их прогонит
За полинявший горизонт
И до утра проспит засоня,
Открыв на всякий случай зонт.

Умчится вдаль дневное время,
И солнце спрячет рыжий хвост,
И небосвод прострелит темень
Трассирующем светом звёзд.

Сентябрь 1998 г.

Конец осени

Осень, как-то быстро, сникла,
И пошло тепло на спад,
Пообвисли сосен иглы
И завьюжил листопад.

Ветер северный, холодный
Под гудение и свист,
Словно чёрт из преисподни,
Разогнал опавший лист.

Стало мрачно всё и серо,
И тоскливо заодно,
И зима, лихая стерва,
Рожу впялила в окно.

Ноябрь 2000 г.

«Последний летний день...»

Последний летний день
Направился к закату,
Холодный ветер
С Севера проник.

Я вписываю окончания дату
В теперь уже
Законченный дневник.
Сентябрь, среда
Двухтысячного года,
Тринадцатое,
Двадцать первый час.
В окне синюшный
Росчерк небосвода
И чёрный плащ
У леса на плечах.
Включаю свет,
Уходит отчуждение,
Хотя на даче
Я совсем один,
Да вот ещё со мной
Стихотворенье,
Которое я только что
Родил.

13 сентября 2000 г.

Усталость

Чёрный ворон

Окинул я округу взором,
Пространства тайные планид,
И вижу, на заборе ворон
Глазами чёрными сверлит.

Вещун под ветра завыванье
Предсказывал мою судьбу.
Ах, чёрный ворон-самозванец,
С тобою вылетишь в трубу.

И я, немало обозлённый,
В него кидаюсь кирпичом.
Не верю я, что мир зелёный
Уже на чёрный обречён.

2000 г.

«Густая дымка под луной...»

Густая дымка под луной

От взора заслонила дали,
И горечь хлынувшей печали
Невольно овладела мной.

Обескураженный, я сник.
Душа всё больше холодела,
Строка, что осветила миг,
Как лампочка перегорела.

2000 г.

Горный поток

Ревел поток на повороте,
Толкая в спину валуны,
И пропадал в замшелом гроте
При тусклом отблеске луны.
Я провожал его и слушал,
Присев на высохший копыл,
Поток мою тревожил душу
И мысли тайные копил.
Я думал: сколькими ж веками
Свой путь в горах он пробивал,
Какие только ноты в гамме
В своей он жизни не певал,
И сколько светлых дней и мрачных
В него вперяли с неба взор,
И сколько же воды прозрачной

Он перенёс от снежных гор?
А может и потоки крови
Водой бурлящею смывал,
И лошадиные подковы
Ушедших ворогов сбивал?
От снежных пиков и по скалам
Он мчится, не сбавляя прыть,
И вряд ли даже экстремалам
Себя позволит покорить.
Лишь только там, в промытом гроте,
Смахнув со лба холодный пот,
На самой низкой в гамме ноте
Он песнь предсмертную поёт.
И с ней уходит он под землю,
Как будто бы в небытие.
Его отчаянью я внемлю,
Его отчаянье – моё!
Он, затихая, расстаётся
С последним, солнечным лучом,
Я знаю, он на свет вернётся,
Забьёт целительным ключом.
И я спою при жизни песню,
Как он, сорвавшийся с горы,
И так же, может быть, воскресну,
Когда уйду в тартарары.

Кудепста, 1987 г.

«Заладил дождь на целый день...»

Заладил дождь на целый день,
На сером небе нет просвета,
И вдохновение поэта
Ушло в уныние и лень.

Вином наполненный графин
Опустошаю понемногу,
Мой нерешительный графит
Рисует грязную дорогу.

И эти чёрные мазки
На полотно души ложатся,
Дождём забитые мозги
Успели до предела сжаться.

Но долго так мне пребывать
При буйном сердце не пристало,
И я готов вот-вот взорвать
И сбросить серость с пьедестала.

Октябрь 1999 г.

«Блажить я начал очень часто...»

Блажить я начал очень часто.
Кого же в этом мне винить?
А не принять ли мне причастья
И в церковь местную сходить?

Поставить тоненькую свечку
За здравие и упокой,
Перекрестить своё сердечко
Слегка трясущейся рукой.

За стёртым временем порогом,
Где просьбы кротки и тихи,
Договориться, может, с Богом,
Чтоб отпустил он мне грехи.

2001 г.

«Когда мне сердце болью било...»

Когда мне сердце болью било,
И было жить уже невмочь,
С подобострастием крестила
Меня лирическая ночь

И отводила час мой смертный
Не на года, а на пока,
Пока в душе моей не меркнет
Жизнелюбивая строка.

2002 г.

«Померкла даль моей души...»

Померкла даль моей души,
Она уже не различает,
Где зла проходят рубежи,
А где добро преобладает.
Бреду по жизни, как изгой.
К какой мне истине приткнуться,
Где для души найти покой,
В купель какую окунуться?
И как мне, смертному, понять
Противоречия всевышних,
Добропорядочных и хищных,
Любить готовых и карать?

2002 г.

«Я начисто опустошён...»

Я начисто опустошён,
Не вижу я в душе просвета,
Не нахожу ни в чём ответа,
Так я от мира отрешён.

Ползёт без просветленья мрак
И приближается всё ближе,
Я эту темень ненавижу
И пачусь от неё, как рак.

До отупения мозгов,
До самой острой в сердце боли,
Я вижу в блюде, не в юдоли
Всех канонических богов.

Они бежали от людей,
В обителях церковных скрылись,
У них мышей летучих крылья,
А я то думал – лебедей.

2001 г.

«При тусклом свете фонаря...»

При тусклом свете фонаря
Ищу я верную дорогу
Ни к назидательному богу.
Ни к трону батюшки царя,

Ни к кушам сладостного рая
И ни к вершине золотой.
Ни к хате, что всё время с краю,
А к слову после запятой.

2001 г.

«О, где вы, светлые года...»

О, где вы, светлые года,
Ушедшие бесповоротно,
О, где вы, чудо города,
Что посещал я ежегодно,
Где вы, наивность и любовь,
И вера в радостное завтра.
Где торжествующая новь,
И где её трудяга автор?
Где вы, усталость трудодня.
Достойный отдых в выходные?
Не узнаю теперь страны я,
Что светом полнила меня.

1998 г.

«Подслеповата и больна...»

Подслеповата и больна,
Страдая полным несварением,
Ревёт огромная страна
Заплаканным стихотворением.
Кто ей сейчас готов помочь,
Быть сострадательным и мудрым,
Кто эту тягостную ночь
Заставит обернуться утром?
Кто принесёт восхода луч.
Жестокости разверзнув горы.
Во тьму помоек, свалок, луж,
В сердца, растерзанные горем?

1998 г.

«Позовите меня...»

Позовите меня,
Если нужен я вам,
Прокляните меня,
Если вас я предал.
Я дойду, я найду вас
По вашим следам,
Если даже надолго
В пути опоздал.
Я не в силах унять
Этот внутренний зов,
Он терзает меня,

Он до боли гнетёт.
Так чего я же жду?
Это в сердце засов
Дверь в пространство любви
Мне открыть не даёт.

1997 г.

Курсантская любовь

Бабье лето

Сентябрь погожий, бабье лето,
Пейзаж уже заметно рыж.
И лёгкие туманов пледы
Сползают потихоньку с крыш
И стелятся вдали по взгорью,
И замирают у леска,
И проступает в бабьем взоре
Непотаённая тоска
О том, что бабий век не вечен,
И тяжек долею рабынь,
И догорает летний вечер
Тревожным суриком рябин.
О, бабье лето – грусть и счастье!
Ещё раз в жизни повторись,
Ещё раз дай принять участие
В спектакле под названьем «Жизнь».

2001 г.

Банька

В конце недели натоплю я баньку,
Да так, чтоб жар добрался до костей,
Я выверну всю кожу наизнанку
И приготовлю чистую постель.

Берёзовый, душистый, жаркий веник
Отхлещет тело голое сполна,
Горячий чай с малиновым вареньем
Желанней будет пива и вина.

В пропаренном, помолодевшем теле
Достигнет кровь утерянных высот,
И жёнушка любимая в постели,
Как в молодости, к небу вознесёт.

На даче, 1994 г.

Осенние бредни

Осенние бредни

Ветер-пёс с цепи сорвался.
Разметал по полю стог,
Всё кружило лето в вальсе,
А теперь вот сбилось с ног.

Вьётся змейкою дорога
От деревни в ближний лес,
Ели вытянулись строго
От земли и до небес.

Залихватски свищет зяблик
За растрёпанным кустом,
Поле вспаханное зябнет
В сером мареве густом.

Долго долбит древо дятел,
Ищет гусеницу в нём,
Вдоль опушки дурень-дядя
Бродит без толку с ружьём.

Дед трусит с большой корзиной,

Полной «дунек» и чернух,
Бородой трясёт козлиной,
На затылок сбив треух.

Я, здесь тоже не последний,
Лиру в осени ищу
И с себя за эти бредни
Обязательно взыщу.

Октябрь, 1985 г.

Дачный ветер

По садам и огородам,
Начиная с посевной,
А потом почти полгода
Ветер шастает хмельной,
Ветер нищий, подневольный,
Приземлённый, не с высот,
Ищет, кто здесь хлебосольный,
Кто стаканчик поднесёт,
Жаждет выпить на похмелье
Он в обители земной,
Потрясёт при всех Емеля
Продырявленной сумой.
Надорвёт от просьбы голос,
Просвистит в свою дуду
И пойдёт купаться голым

В застоявшемся пруду.
Похмелится из колодца
На желудок, на пустой,
А потом ко мне набьётся
На ночлег и на постой.

Лето 1986 г.

Чаепитье

Люблю на даче чаепитье,
Когда весь дом – и млад, и стар,
Собираются, как в общежитье,
За стол, где пышет самовар.
Когда дымок древесных углей
Под летним небом кудри вьёт
И нос щекочет, будто с ульев
По капелькам стекает мёд.
И запах мяты и ромашки
Тревожит в предвкушенье люд,
И на столе танцуют чашки,
И рожицы сияют блюд.
И заварной, пузатый чайник,
В косоворотке расписной,
Ворчит, как маленький начальник
У самовара за спиной.
Но за столом один лишь барин,
Хотя он вовсе не из бар,

Природной щедростью одарен,
Глава семейства – самовар.
Как Фёклы, Стешки, Глашки, Дашки
Бегут, задравши сарафан,
Так размалёванные чашки
Спешат под самоварный кран.
Он кипятком из всех наполнит,
Дополнит чайник заварной.
Начнётся чаепитье в полдень
И лишь закончится с луной,
Когда угаснут в топке угли,
Допьётся самовар до дна,
Останется лишь старый бублик
И сушка старая одна.

Лето 1985 г.

В отставке

Пятьдесят – и уходи в отставку.
Вот такая в жизни хренатень,
Заводи для развлечения шавку
И гуляй с ней по три раза в день.

И никто тебя не остановит,
И никто не учинит разгон,
Так тебе вольготно в этой нови
Безотяжеляющих погон.

И без напряженья нервных клеток,
Вот пойду и для себя куплю
Порцию отваренных креветок
С кружкой пива ровно по рублю.

А потом включу я телевизор
И улягусь, как домашний кот,
Буду слушать, как любимый Визбор
Под гитару песенки поёт.

1988 г.

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Наевшись отменного плова,
Задумался крепко мулла:
Так в чём же всей жизни основа,
И чем же так жизнь мне мила?
Вольготно на солнышке греясь
И глядя пузырь живота,
Позвал он соседа еврея
И так вот спросил у жида:
«Скажи мне премудрый Иуда,
За что все так любим мы жизнь?»
«За то, что в довольстве желудок» —
Ответил догадливый жид.
«Не ждал я ответа иного,

Твои справедливы слова.
Как может без жирного плова
Варить у меня голова?
Не ведаю жизнь я иною.
А дальше в чём жизни резон?»
И жид, подавившись слюною,
Дополнил: – «Где плов, там и сон»
Мулла, от зевоты совея,
Промолвить едва лишь успел:
«Всё верно». Прогнал он еврея
И тут же всюю захрапел.

1997 г

«Бьётся градусник на нуле...»

Бьётся градусник на нуле.
И всё больше и больше света,
Пара яблок на скучном столе
Как улыбка прошедшего лета.
Потихоньку сжимается снег,
И зима укрощает свой норов.
Сколько ж рук потянулось к весне,
Сколько радостных видится взоров!
Вот и ладно, пора бы прозреть,
Сбросить зимнюю тьму и ненастья.
Как обидно сейчас умереть,
Не обнять это новое счастье,

Не познать, не допеть, не дожить,
Буйства трав и цветов не дожидаться,
В заточенье холодном души
С наступившей весной попрощаться.

1998 г.

Из сборника «Светотень» 2004 год

Замкнутый круг

Русь

Я о тебе, моя святая Русь,
Сыновним сердцем истоиво пекусь.
Ты иногда мне кажешься слепой,
А иногда всевидящей и здоровой,
И если вдруг уходишь ты в запой,
Так только при бессилии державы.
Ты положила множество веков
На отыскание вольности и счастья,
Но до сих пор не скинула оков,
Давно одетых на твои запястья.
Не знаю я, в каких ещё краях
Так святы воля, равенство и братство,
И так презренны званья и богатства,
Добытые на горе и кровях.
Презренна месть, и не в почёте лезть,
Осмеяны и скаредность, и скупость,

Обжорство, и напыщенность, и тупость,
А святы совесть, доброта и честь.

2002 г.

Не люблю я

Не люблю я, когда отрывают меня
От работы, что радостно спорится,
Не люблю, когда солнце средь ясного дня
За холодную тучею скроется.

Не люблю я,
когда пристально смотрят в глаза,
Ждут ответа, их сердцу угодного,
Не люблю, когда сытые тела
Призывают любить их голодного.

Не люблю, когда фарисейской слезой
Окропляется гроб всенародно,
Не люблю, когда бродит по миру босой,
Говоря, что так богу угодно.

Не люблю мимикрию, как подлую суть.
Ярым был коммунистом,
вдруг стал демократом,
Не люблю, когда блеклый и пагубный путь
Завершают победным парадом.

2000 г.

«Эта жизнь и всеядна...»

Эта жизнь и всеядна
И склерозом больна,
Ну, забывчива – ладно,
Почему ж холодна?
Почему же меня,
Как нещадный вампир,
От прожорства слюня,
Поглощает мой мир?
Почему же я ей
В противленье не смог
По душе и уму
Указать на порог.

2000 г.

Бродяжки

Не хлебный Ташкент,
А Москва буржуазная,
Как манна небесная,
Тянет детей,

Где сытая жизнь
И веселие праздное,
И столько соблазнов,
И столько затей.
В товарных вагонах,
В ночных электричках,
Родителей нищих
Навеки презрев,
В Москву убегают
Они без налички,
Пивною рекламой,
Себя перегрев.
Вокзалы, подвалы,
И тьма переходов,
Скамейки аллея,
Милицейский загон,
Для наших детей
От огромных доходов
Прописан в России
Лояльный закон.
Тасуются дети
По грязным базарам,
Не евши, не спавши,
С глазами совы,
Кто моет машины
Разъевшимся барам,
Кто ящики грузит
Во чрево Москвы.
Москва – не детсад

И не Дом пионеров,
Москва – мегополис,
Москва – высота!
В ней к Богу зовёт
По велению мэра
Огромнейший монстр —
Спаситель Христа.

1996 г.

«О, свежа моя память, свежа...»

О, свежа моя память, свежа,
Оттого мне сегодня так больно.
Пролегла отчужденья межа
По России моей хлебосольной.

По России, где тысячи вёрст
Растянулись от края до края.
Не поднять нам ни праздничный тост,
Не проститься, когда умираем.

Остаётся от родственных уз
Только льготный, ночной, по дешёвке,
Как хрусталик от порванных бус,
Новогодний звоночек в хрущёвке.

1 января 1999 г.

«Я всё переживу...»

Я всё переживу:
Забывчивость родни,
Предательство друзей,
Обиды одиночества.
Я смерть не позову,
Хотя считаю дни,
И я не стану злей,
Хотя порой так хочется.
Зачем повсюду зло,
Не в меру чистоган,
Побольше бы урвать
Богатства и свободы,
Бить доллару челом
И класть в постель наган,
От скуки пировать
До тошноты, до рвоты?
Но в том ли жизни суть
Иль в том её величье,
Чтоб пакостить и жрать,
Всё под себя гребя,
Выпячивая грудь,
Где неуёмность бычья
Способна всех предать,
Чтоб выпятить себя?
Нет, то не для меня,

Я знаю чувство нормы:
Достаток нужен мне,
Чтоб свой устроить быт,
Но рядом есть свинья,
Всегда ей мало корма,
Так хочется свинье
Ещё жирнее быть.

2000 г.

«Покорствуя, ты строил жизнь свою...»

Покорствуя, ты строил жизнь свою,
Просил богов, чтоб были благосклонны,
Подобострастно, как ползущий вьюн
Их мраморные обвивал колонны.
Ты умолял их отпустить грехи
И никогда не крыл всевышних матом,
Писал им оды, посвящал стихи,
Но оставался в их глазах приматом.
Трудился ты, как проклятый Сизиф,
Чтоб только угодить всевышней власти,
И падалью питался ты, как гриф,
А всё считал, что поглощаешь сласти.
И гнев растёт, и оторопь берёт,
Когда таким я вижу мой народ.

1996 г

Смутное время

Всё так сложно и так бестолково,
Что никак не могу я понять,
Почему справедливое слово
Так стремятся в России распять?

Почему обнищавших и сирых
По России сегодня не счесть,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.